

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Игорь КОНЫЧЕВ

ВОРОНЁНОЕ СЕРДЦЕ
ГРАФ

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К64

Серия «Современный фантастический боевик»

Выпуск 295

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Коньчев, Игорь Николаевич

К64 Воронёное сердце. Граф : роман / Игорь Коньчев. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 352 с. — (Современный фантастический боевик).

ISBN 978-5-17-184835-4

Смерть танкиста была мгновенной. Пробуждение графа Воронцова — кошмарным.

Он открыл глаза в теле человека, которого все презирали. В мире, где история пошла по другому пути. Здесь еще помнят старых богов, а в недрах Уральских гор до сих пор ворочается Великий Полоз — древнее зло, питающееся страхом.

Последний отпрыск рода Воронцовых получил в наследство лишь проклятую репутацию и Драгуна. Огромный боевой доспех стоял немым стражем в родовом замке, храня тайны, которые лучше бы никогда не всплывали наружу.

Но секта Червя уже слишком близко. Они ищут не просто земли, им нужна кровь последнего графа. Чужак в дворянском теле должен понять одно: в этой Империи нет случайных смертей. И Драгун выбирает своего хозяина не просто так.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-184835-4

© Игорь Коньчев, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава I ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РОДА

Звук, похожий на биение сердца, раздался внутри сознания и затих...

Я стоял в длинной накрахмаленной сорочке и смотрел на свое отражение в огромном зеркале. Глаза зеленые, волосы густые и черные, но на этом сходство заканчивалось. Мне почти сорок, а после того, как танк загорелся, красавчиком из него выбраться точно не получилось бы. Из него вообще выбраться не получилось.

Но вот он я. Руками и ногами шевелю, только тело чужое. Говорят, смотреться в треснувшее зеркало плохая примета, но я не мог отвести от него взгляда. В отражении стоял высокий худощавый парень лет двадцати, может, чуть больше. Никакой седины, морщин, боли в спине и ожогов. Лицо правильное, красивое, аристократическое. Даже небольшие шрамы под левым глазом и на подбородке его не портят, а наоборот, придают мужественности.

— Это сон? — даже голос мой звучал иначе, чем раньше: не хриплый и прокуренный, а бархатистый, немного певучий и чистый, как у радиоведущего.

— Барин, — раздался осторожный голос. Страх и разочарование в нем были тщательно прикрыты напускными радостью и заботой. — Живой!

Какой еще барин?

Я резко развернулся и уставился на коренастого седого мужика со светлыми глазами и бородой-лопатой. Черный старомодный пиджак жал ему в плечах, на мешковатых штанах красовалась заплатка, а высокие сапоги покрывала подсохшая грязь. На бойца точно не похож. Скорее на актера из массовой сериала про какой-нибудь девятнадцатый век. Гражданский, значит.

Тем временем незнакомый тип нерешительно топтался в дверях и нервно мял в руках фуражку. На его морщинистом лице сияла заискивающая улыбка, а вот взгляд оставался холодным и колючим.

— Живой, — задумчиво пробормотал я. — Вроде как...

— Радость-то какая! — всплеснул руками мужик, отчего уронил свою фуражку, которую тут же поспешно поднял, отряхнул о штаны и сунул в карман. Выговор у него был простецкий, даже не деревенский, а старомодный. — Мы уж думали, прикончила вас железяка клятая! А я же говорил — не лезьте вы туда!

— Чего? — едва ли этот тип говорит про мой подбитый танк. Да и не общались мы раньше. У меня хорошая память на лица.

— Барин, — мужик медленно приблизился и внимательно посмотрел мне в глаза. — Вы что, того... — он коснулся натруженными пальцами седого виска, — разумом повредились?

От него пахло яблоками и вчерашним перегаром.

— Такое ощущение, что очень даже повредился, — я снова покосился на себя в зеркало. — Чего, говоришь, случилось? Какая железка меня чуть не прикончила?

— Батюшки! — всплеснул руками мужик. — Вам чего, память отшибло, да? Ох... что ж делать-то? Что

делать? — запричитал он и принялся ходить взад-вперед по просторной светлой комнате, обставленной так, будто я проснулся в одном из залов Эрмитажа. Правда, большинство вещей вокруг утратило блеск и шик новизны и выглядело вовсе не презентабельно.

— Успокоиться и ответить на вопрос, — подсказал я ему, после чего подошел к вычурному столику, налил в треснувший хрустальный бокал воды из графина и протянул мужику. — Звать-то тебя как, отец?

Незнакомец замер с открытым ртом. Он уставился на меня так, будто впервые увидел. Даже бокал не взял, а наоборот, отстранился. Я уж подумал, что он дар речи потерял, но нет.

— Барин, — прошептал он, — вы чего?

— А чего я?

— Ну... — мужик нервно сглотнул и робко предположил. — Того?

— Ты ответишь или нет? — я начал терять терпение.

Видимо, эмоции отразились на лице. Мужик побледнел, как первый снег, бухнулся на колени и едва не ударил лбом по моей босой ноге.

— Не серчайте, Михаил Семенович!

Интересно — имя-то и отчество мои, а лицо и тело нет.

Ничего не понимаю...

— Мужик, вставай, — я поднял незнакомца за плечо и сунул в его дрожащие руки бокал с водой. — На вот, выпей.

— Благодарствую, — он послушно осушил бокал до дна, хотел поставить на столик, но не рассчитал и разбил. — Барин, помилуй! — белугой взревел мужик.

Он снова попытался упасть на колени, но я его удержал.

— Спокойно! — пришлось рявкнуть по-солдатски. — Как звать? Быстро отвечай.

— П-п-прохором кличут, — едва ворочая языком, промямлил мужик. — Дворский ваш.

Ну, уже кое-что.

— Значит так, Прохор, где я? — в сознании снова раздались глухие удары и почти сразу стихли.

Только я их слышу?

— Дык вестимо где, в имении вашем. В поместье Воронцовых. — Прохор успокоился.

Фамилия тоже моя. А вот никакого имени в своей собственности я не припомню. Разве что двушка на отшибе Москвы, да и та в залоге у банка. Вот только после боя оказаться я должен был или на том свете, или в госпитале, а никак не в комнате, где до потолка несколько метров.

Машинально я задрал голову и покачал ею — потолок-то надо побелить, да и трещины замазать. Люстра вот тоже криво висит. Раскачивался на ней кто-то, что ли? Здоровая, зараза, если на башку свалится, то точно не оклемаешься.

— Барин, вы помните, что с вами случилось? — спросил Прохор, заискивающе заглядывая мне в глаза.

— Нет, — соврал я. — Только имя помню и все.

На деле же танковый бой в лесополосе навсегда отпечатался в моей памяти. Пять подбитых машин противника и прилет по нам. Броня не выдержала. Пацаны выбирались, я прикрывал, а потом бахнуло, и я оказался здесь. Вроде таить нечего, но информацию я решил придержать, пока во всем не разберусь.

— Батюшки святы. — Тяжело вздохнув, Прохор устало опустился на широкую не застеленную кровать, после чего сразу же вскочил, будто задницей коснулся не мягкой перины, а раскаленной сковороды.

— Слушай, — я надавил ему на плечо и заставил сесть, — мне...

В голове застучало сильнее. Не успел непонятный звук стихнуть, как снаружи гроыхнуло так, что стекла задрожали. Прилет?! Снова по мирняку бьют, гады! Прохор метнулся к окну, но я поймал его за плечо и оттолкнул.

— К стене быстро!

Мужик удивленно вытаращился на меня.

— Зачем?

— Затем! — Расхлябанность нового знакомого меня разозлила. — Есть тут подвал?!

— Дык там от полозов-то не спрячешься... — Прохор шмыгнул носом и с тревогой посмотрел в сторону окна, а потом вдруг вздрогнул. — Барин, вы что, снова хотите в эту железку лезть? Доктор еле вас выходил, еще и денег слупил столько, что едва расплатились. Полно вам! Бежать надо, пока зверюга окаянная в деревне бесчинствует.

Я окончательно потерял нить происходящего и сам подошел к окну. Дом, в котором мы находились, стоял на высоком холме, с которого открывался прекрасный вид: неухоженный, но большой парк, зеленые леса, поля, блестящая на солнце река и несколько деревень вдалеке. Над одной из них сейчас поднималось облако пыли.

— Что здесь происходит? — Мои пальцы впились в резной подоконник с такой силой, что хрустнули костяшки. Когда горел мой танк, кругом стояла слякоть и валил мокрый снег, а сейчас точно лето. Обстановка еще эта, будто в другой век попал.

И этот гул в голове...

— Сами себя не помните, а в бой рветесь! — Прохор подбежал к большому шкафу, рывком распахнул створки и начал швырять на кровать одежду, больше

подходящую для исторического кино. — Давайте я вас одену, а потом бежим в столицу! Пусть пришлют императорских драгунов! Уж они-то твари отпор дадут! Жалко селян, конечно. Пожрет их образина богомерзкая. Но мы точно уж никому не поможем...

— Почему? — Пытаясь переварить услышанное, я не сопротивлялся, пока Прохор поспешно одевал меня, как маленького ребенка.

— Потому! Когда вы в драгуна попробовали залезть, чуть Богу душу не отдали! — застегивая блестящие пуговицы на моей жилетке, ответил Прохор. — Барин, все знают, что вы тот еще гордец упертый. Но, ради памяти вашего батюшки, да упокоит Господь его душу, — не лезьте вы в эту старую железку. Проклятая она, говорю вам! Порченые про нее такое судачат — волосы дыбом. Не зря ваши предки ее забросили. Никого не спасете, еще и сами сгинете. Разве ж та рухлядь с полозом справится?

Закончив с одеждой, Прохор начал мягко, но настойчиво подталкивать меня к двери.

— Стоять! — скомандовал я, и мужик вытянулся по стойке смирно. — Какая железка? Какие полозы?!

— Барин! — взмолился Прохор.

— Отвечай. — Я остался непреклонным. — Что происходит?

— Полоз — змей адский, снова на селян напал, вот что, — сдался мужик. — Уже месяц, как покоя нам не дает. Вы дважды в столицу телеграфировали, они обещали прислать драгунов, но никто не явился — все заняты французишками погаными...

— Французы? — пробормотал я. — Какой сейчас год?

— Дык тысяча восемьсот...

— Невозможно, — только и выдохнул я.

— Вот и я вам так сказал, когда давеча вы сами заявили, что сможете зверюгу победить, да роду своему славу былую вернуть. — Быстро закивал Прохор. — Полезли в железку старую, а она вашу душу чуть не выжгла! Доктор говорил, что, может, и помрете вовсе. Мы уж и попа звали: Демидку отправили к монастырю, да только ворота там закрыты, и не отвечает никто. Да и не стали бы они за вас молиться. Поп-то наш постоянно твердит, что такому, простите, скверному человеку, как вы — самое место в... ну вы поняли.

Нет, не понял. Но дела это не меняло.

— Сейчас людям в деревне что-то угрожает, и я могу помочь. Правильно?

— Неправильно! — Прохор даже ногой топнул, отчего засохшая на сапогах грязь упала на когда-то чистый и пушистый ковер.

— Ты сам сказал, что полоз пожрет селян.

— И чего? — Прохор упер руки в боки и с вызовом посмотрел на меня из-под кустистых бровей. Вся его робость куда-то делась. — Бабы еще нарожают! Баб у нас в достатке, а вы — один такой. Единственный наследник рода Воронцовых. Последний. Помрете — на кого мы останемся тогда?!

— Веди меня к этой старой железке, — потребовал я.

— Нет! — скрестил руки на груди Прохор. — Хоть снова плетями порите, хоть опять в реке топите — с места не сдвинусь! Вы мне потом еще спасибо скажете.

— Ага, два раза! — Я решил не тратить время на упрямого мужика и выбежал в просторный коридор, убранство которого напоминало захолустный провинциальный музей после ограбления ворами-искусствооведами: вместо картин на потрескавшихся

стенах одни гвоздики, пустые стойки, видимо, для несуществующего оружия, завядшие цветы в пыльных горшках и отклеивающиеся некогда помпезные обои.

А вот чего тут имелось в достатке, так это дверей...
Куда идти-то?

— Барин! — Прохор выбежал следом. — Одумайтесь, заклиная! Обойдется наш государь император без головы змеиной. Лучше свою на плечах сохраните! Деньги мы найдем как-нибудь...

— Да при чем тут голова и деньги? — взорвался я. — Людей спасти надо! — Упрямства у меня было в достатке. Из-за него-то и пошел на фронт добровольцем. — А ты — или помоги, или не путайся под ногами.

Прохор нахмурился, его широкие плечи опустились.

— Барин, — тихо сказал он, — что ж с вами случилось-то? Вы же простых крестьян никогда в грош не ставили, а теперь жизнью из-за них рискнуть хотите?

— Ты поможешь мне или нет? — с каждой секундой моя решимость лишь распалась.

Спустя пару секунд Прохор все же кивнул. Он поставил на пол большой потертый чемодан, который непонятно когда успел собрать, и повел меня к одной из дверей. За ней оказался лифт. Правда, выглядел он как-то совсем дремуче — никаких подсвеченных кнопок и голосовых подсказок, только рычаги и буквенные обозначения.

Прохор потянул за одну из ручек, кабина дернулась и медленно поползла вниз. Сопровождалось движение душераздирающим скрипом. Если старый механизм и смазывали, то, вероятно, при самом создании.

Биение сердца в ушах зазвучало явственнее. Но оно точно принадлежало не мне.

Кабина скрипнула особенно резко, дернулась и застыла.

— Застряли? — предположил я.

— Не, — мотнул головой Прохор и шарахнул по одному из рычагов.

Лифт снова заработал. Правда, теперь еще на-тужнее, чем прежде.

Спускались мы довольно долго. Или же только мне каждая секунда казалась едва ли не часом. Прохор сильно нервничал: кусал седые усы, бормотал что-то под нос и пожелтевшим платком стирал с высокого лба обильно выступающий пот.

Когда кабина встала второй раз, то я снова подумал, что мы застряли. Но Прохор встрепенулся, толкнул дверь, а когда та не открылась, заколотил по ней кулаком.

— Отворяйте, порченые! — сурово заорал мужик. — Запустили всю технику, окаянные! Ни хрена не работает. Плетьюми выпорю, выродки убогие!

Снаружи раздались торопливые шаги.

Что-то затрещало, заскребло, и дверь рывком распахнулась.

С той стороны на нас смотрели два чумазных человека в обносках. Ближе ко мне стоял крепкий, но глубокий старик. Косматый, неухоженный и бледный, он испуганно смотрел на меня одним красным глазом. Второй, затянутый бельмом, таращился в пустоту.

Рядом со стариком замер молодой, невысокий, курносый паренек в дырявой кепке набекрень. Тоже красноглазый. Огненно-рыжий и веснушчатый, он смотрел волком и всячески избегал моего взгляда.

Его простая одежда была на несколько размеров больше, чем требовалось. Из дырявых штанов торчали острые коленки, а плечи испачканной в саже рубахи доходили едва ли не до локтей. Лет семнадцать-восемнадцать, не больше — на чумазом лице даже юношеский пушок не вылез.

— Рады видеть в добром здравии, барин, — виновато улыбнулся старик. — За технику простить просим, но без деталей и инструментов мы починить ничего не сможем, а вы сами денег не дали и...

— Ты что, морда наглая, барина обвинять удумал?! — Прохор чуть не задохнулся от услышанного.

— Мы просто говорим, как есть, — взял слово рыжий паренек. Голос у него оказался звонкий и приятный.

— Молчи, Олешка, — шепнул одноглазый старик. Он положил руку на голову парня и заставил его поклониться, после чего и сам согнулся в три погибели. — Простите нас, барин.

— Михаил Семенович, — Прохор посмотрел на меня. Несмотря на суровый тон, в его глазах отражались страх и надежда. Врать он не умел. — Я сам их выпорю завтра. Негоже графу руки свои о порченных марать...

— Не надо никого пороть, — велел я и вышел из лифта. — А деньги на технику выдели. Все должно работать, как часы.

Биение сердца в голове стало явственнее.

Старик и пацан быстро сместились в сторону. Голов они не поднимали, но повернули их так, чтобы удивленно посмотреть мне вслед. Мы находились в просторном помещении. Чем-то оно напоминало мне столичное метро: необычная архитектура, отделка плиткой, мозаика на стенах и тусклые лампы

под самым потолком. Повсюду витает запах сырости и старости, смешанный с визуальными величием и красотой.

Я заметил это все лишь мельком, так как все внимание привлек огромный черный доспех — цвет безошибочно угадывался даже несмотря на толстый слой пыли. Выполненная из вороненой стали броня чем-то напоминала рыцарскую. Вот только никто и никогда не слышал о пятнадцатиметровых рыцарях. Броня выглядела старой и зловещей. От нее веяло чем-то необъяснимым и мистическим, чем-то, что заставляло сердце замирать в груди.

И пока мое замирало, чужое билось где-то под толстыми слоями металла.

— Это что? — мой голос многократно отразился от голых потрескавшихся стен.

— Последний драгун рода Воронцовых... — Прохор встал рядом, перекрестился и зачем-то поплевал через плечо.

— Не последний, а первый, — встрял рыжий пацан, но, судя по возмущенному сопению, старик заткнул ему рот.

— Это тот самый, который мне душу чуть не выжег? — вспомнил я слова Прохора.

— Он, — кивнул тот. — Одумайтесь, барин. Одумайтесь, пока не поздно.

Несмотря на недавнюю решимость помочь бедным людям, я замешкался. Ничего подобного в своей жизни мне видеть никогда не приходилось. Кто мог подумать, что драгун окажется не какой-то боевой машиной, а...

— А чем он, собственно говоря, являлся?

— Как им управлять? — я посмотрел на Прохора, но тот только плечами пожал. Тогда мой взгляд обратился к старику и его рыжему напарнику.